

ГЛАВА 1

Русское царство, 1353 г.

Княгиня Мария Ивановна Серпуховская присела на камень, лежавший возле пещеры горы Маковец. Она ждала отца Сергия с каким-то трепетом в душе, ждала как манну небесную, полагая, что он-то поможет и подскажет, как ей жить дальше. И когда он показался, суровый старец в белых одеждах, она с благоговением молитвенно сложила руки.

— Рад видеть тебя, дочь моя. — Старец улыбнулся, и его морщинистое лицо словно озарилось внутренним светом. — Вижу, печаль на твоём челе, и догадываюсь, от чего она.

Мария подалась вперед:

— Ты всегда читал мои мысли как книгу, думаю, и о бедах моих слышал. Одна я осталась, батюшка, умер мой любимый супруг. Хочу уйти от мира в монастырь. Что ты на это скажешь?

Сергий нахмурился:

— Лукавишь, княгиня, не одна ты осталась, а с сыном. Знаю, Владимиром его кличут. В печальный день он на свет появился, на сороковины после смерти князя Андрея. Так что не одна ты, княгинюшка, сынок у тебя есть, крестник мой.

Помнишь, как совсем молодая сюда с мужем приехала, просила меня помолиться, чтобы Господь деток даровал?

Мария смахнула слезу, оставившую след на нежной коже:

— Помню, отец.

— Я так тебе отвечу. — Сергей прищурился и посмотрел куда-то вдаль. — Монастырь — это хорошо, тут о вечности и покаянии подумать можно. Но ответь мне, кто дитя твое родное растить будет? Кто мать ему заменит?

Княгиня потупилась:

— Есть у него тетки и дяди.

— Я вижу, не слышишь меня. — Старец посерьезнел. — Я о матери родной говорю. Никто дитя любить не будет так, как она, никто лучше не воспитает. Это тебе сделать надо, и тогда твой сынок богатырем станет, землю от поганых очистит. Даже прозвище его вижу — Храбрый. Еще вижу, что ты станешь хорошей матерью. Это тоже твое предназначение.

Мария вздохнула:

— Значит, рано еще мне о келье думать.

Старец подошел ближе и положил руку ей на голову.

— А в монастырь еще успеешь прийти, и это будет монастырь, который ты сама и построишь.

Княгиня вздрогнула:

— Я построю монастырь?

— Да, но перед этим совершишь много добрых дел. — Он убрал руку и с любовью посмотрел на молодую женщину. — Это твое предназначение. А теперь ступай. Больше мне добавить нечего.

— Спасибо, отец. — Княгиня встала и пошла к возку, ожидавшему неподалеку от горы.

«Если мне суждено основать монастырь, я сделаю это, — подумала она, — и как можно скорее».

Но быстро сделать это не получилось. Жизнь закрутилась, завертелась, как мельничное колесо. Сначала Марию поглотили заботы о сыне Владимире.

Княгиня смотрела на подраставшего князя, радуясь его успехам, и с горечью думала о так мало — всего двадцать шесть лет — прожившем супруге. Не успел он увидеть отпрыска, не успел полюбоваться будущим богатырем.

Да, Мария считала сына богатырем: уже в восьмилетнем возрасте он начал ходить в военные походы. Она не сомневалась: из него получится настоящий защитник земли Русской — и не ошиблась. Крепко сдружился он со своим двоюродным братом Дмитрием, позже прозванным Донским, почти с ним не разлучался. Вместе с ним они держали осаду Кремля, не дали захватить княжество Московское князю литовскому и русскому Ольгерду Гедиминовичу. Крепко ему тогда досталось, запомнил он братьев и этот урок, да так крепко запомнил, что решил больше с ними не ссориться и предложил в жены Владимиру свою дочь Елену.

Мария приняла невестку, всей душой потянулась к девушке. Очень уж ей хотелось, чтобы прожили они долгую жизнь и умерли в один день, чтобы не заглядывался ее Владимир на других — много красавиц на Руси.

А он и не заглядывался, жили с женой в любви и согласии, деток воспитывали. Елена терпеливо ждала супруга из всех военных походов и молилась за него перед Куликовской битвой. Да и сам Владимир перед сражением по монастырям поездил, со многими старцами поговорил. Все предрекали ему победу, а он и не сомневался: разве можно проиграть сражение на своей земле?

И не ошибся князь: вместе с Дмитрием разбили они полчища Мамаевы, получив прозвища за дела ратные: Владимир Храбрый и Дмитрий Донской.

Мысли Марии часто обращались к Куликовской битве. Очень уж ожесточенной она была, много воинов полегло на поле, не одна жена вдовицей стала, не одна мать осиротела. Шли несчастные со своими горестями и бедами к княгине в ее терем, плакали, жаловались на судьбу. Вот тогда она и вспомнила давний разговор с Сергием Радонежским о монастыре. Тогда он намекнул, что время еще не настало, и оказался прав. Вот когда настало время, в лихую для Руси годину, твердо решила Мария основать монастырь, чтобы шли туда вдовы и матери и молились за своих воинов.

И стала Мария подыскивать место для будущей обители. Много мест посмотрела, много дум передумала — и остановилась на Кучковом поле. Не зря остановилась. Понравился ей высокий холм на берегу реки Неглинной. Мало того что место живописное, с холма такие виды открываются, что дух захватывает, так еще и спокойное. С севера враги никак не смогут напасть, речка мешает. Да и вообще, будет монастырь защищать землю Рус-

скую от набегов молитвами, станут инокини молиться за мир.

Спозаранку поехала княгиня на холм, забралась на вершину и осмотрелась, словно убеждаясь, что лучшего места не найти. По берегу Неглинной шла дорога на север. Другая вела к обители Сергия Радонежского, напоминая, что все в семье княгини были его духовными детьми.

Махнула Мария рукой и проговорила:

— Так тому и быть, здесь стоять обители.

Знала женщина, что дел теперь будет невпроворот. И не потому, что надо будет следить за работой зодчих. Хорошие есть мастера, они в два счета возведут здание. Дело это, конечно, нелегкое и затратное, каменных зданий на Руси немного. Даже ее просторный княжеский терем, украшенный резными карнизами, расписанный внутри и снаружи красками и позолотой, жилище златоверхое и узорчатое, с резными наличниками, был деревянным. А вот обитель она решила возвести каменную. Конечно, не в здании дело, дело в самом духе, который должен пропитать святые стены. В новом монастыре поселятся женщины, ими будет управлять матушка — игуменья. Рассказывали ей, что в Греции, в первом женском монастыре, именно игуменья наставляет послушниц. Подумала Мария и о том, что она создаст первый на Руси женский монастырь, до этого монахини ютились при мужских монастырях. А где это видано, чтобы мужчины и женщины в одной обители жили!

— Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, — окончательно решила княгиня, помня

о Куликовской битве — пригласила она на праздник Рождества Божьей Матери, — и стала медленно спускаться с холма, утвердившись в мысли, что перво-наперво искусные зодчие поставят собор каменный, а потом и кельи. Будут стекаться сюда женщины со всей Руси, богатые и бедные. И будет она преклоняться в молитве вместе с ними, благодаря Господа за то, что вернулся ее сын Владимир израненный, но живой. Не станет эта обитель, по примеру других, крепостью. Защитит страну не суровыми толстыми стенами, а горячей молитвой.

Сказано — сделано. Вскоре закипела работа. Лучшие архитекторы и каменотесы Руси собрались в этом месте. Мария с утра до вечера интересовалась строительством, выходила из терема и осматривала постройки. Да, здесь будет собор, а здесь — монашеские кельи.

Когда наконец все было закончено и на берегу Неглинной вознесся ввысь своим куполом Рождественский монастырь, потекла сюда река несчастных вдов воинов Куликовской битвы. И вознеслась к Богу горячая молитва насельниц.

Мария знала каждую женщину. Были среди них и очень богатые, и совсем бедные, жены и матери незнатных защитников земли Русской, погибших на полях сражений. И велела княгиня поставить монастырские кресты «под луной» — изобразить на крестах собора полумесяцы — в память великой битвы. И послала Мария весточку своему духовному наставнику Сергию Радонежскому, чтобы приехал и почтил новую обитель своим присутствием.

Не отказал святой своей духовной дочери, сразу прибыл, освятил новые, пахнувшие известью стены и вручил игуменье устав монастыря.

— Это ты хорошо придумала, — похвалил он Марию. — Пойдет о сей обители слава по Руси. Вот и исполнила ты свое предназначение — стала хорошей матерью князю Владимиру и основательницей такого храма.

Женщина опустила глаза:

— Теперь думаю и постриг принять. Что скажешь?

Старец положил ей на голову свою морщинистую руку:

— Дело говоришь.

Она схватила его ладонь и поцеловала:

— Спасибо тебе за все.

Ободренная словами духовного отца, Мария постриглась в монахини под именем Марфа. Много добра делала она сестрам, никогда никто не слышал от нее худого слова. И когда в Филиппово говение, на память святого пророка Аввакума, снежным декабрьским днем она преставилась, долго оплакивали ее насельницы и погребли в обители, ею же и созданной и ставшей родным домом.

Долго оплакивала свекровь и Елена Ольгердовна, говорила своему мужу сквозь слезы:

— Поистине святая женщина Мария.

Князь кивал и соглашался, вспоминая, как долго не было у них детей и как мать предложила поехать к духовному отцу, Сергию Радонежскому, и попросить благословение на строительство монастыря в честь Зачатия Богородицы.

Знала княгиня, что основание таких обителей помогает бездетным парам — и не ошиблась. Через десять лет супружества родила Елена первенца Ивана, а потом еще шестерых. На крестины звали Сергия Радонежского, вместе с ним возносили молитвы Богу и Богородице.

— Я тоже приму постриг, если Господу будет угодно, чтобы я тебя пережила, — произнесла вдруг Елена Ольгердовна.

Ничего не ответил ей Владимир. Он и понимал, и не понимал жену. По законам после смерти князя его супруга становилась главой рода, «матерой вдовой», имевшей право занимать место в обществе, соответствовавшее своему положению: участвовать в государственных делах вместе с боярами. Но знал князь, что общественная сторона жизни его супругу почти не интересовала, гораздо больше пеклась она о духовной стороне и потому помогала обители, созданной ее свекровью.

— Женщины тоже способны на великие подвиги, — изрек Владимир Храбрый и с уважением посмотрел на жену.

Она потупилась, опустила глаза. Хотела сказать, что не нужно бросаться громкими словами, но промолчала, вспомнив Марию.

А когда Бог призвал к себе ее любимого супруга и всех семерых сыновей — нет страшнее горя для матери, — приняла постриг с именем Евпраксия, чтобы поселиться в обители, такой дорогой для их семьи, а почувствовав приближение смерти, продиктовала завещание, завещав монастырю четыре села и мельницу в устье Яузы. И тихо упокои-

лась рядом с любимой свекровью, чтобы молиться с ней в жизни вечной так, как они молились в жизни земной.

ГЛАВА 2

Приморск, наши дни

Вика отодвинула стакан со своим любимым томатным соком и с отвращением посмотрела на круассан. Есть не хотелось, мутило при одной мысли о пище. Она подумала, что зря приняла приглашение подружки Лили и отправилась с ней в кондитерскую, лучше бы вернулась домой после работы и провела время с детьми: они всегда помогали ей справиться с мрачными мыслями, которые сейчас налетали на нее, как хищные птицы, и рвали крепкими клювами ее измученную душу.

Высокая, худая, очкастая Лиля, которую в детстве дразнили Паганелем, бросила на Вику понимающий взгляд и произнесла:

— Знаю, ты коришь меня за то, что затащила тебя в эту проклятую кондитерскую. Но пойми правильно, я не могу видеть тебя такой. И притом твоя любовь к сладкому вряд ли куда-то улетучилась. В школе ты слыла сладкоежкой, думаю, и мединститут тебя не изменил.

Вика вздохнула:

— Сейчас моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Подруга нахмурилась:

— Не понимаю.

— Ты же знаешь, что у меня есть причина для беспокойства.

Лиля взяла ее руку в свои теплые ладошки:

— Дорогая, никакого «до» и «после» нет, еще ничего не известно. Ну почему ты поставила себе самый страшный диагноз?

— Потому что я врач. — Вика взяла в руки салфетку и принялась разглядывать узоры. — Решительно все признаки опухоли, поверь. Остается надежда на доброкачественность, но она такая слабая.

Лиля ободряюще улыбнулась:

— Уверена, все будет хорошо. Зря ты вмешала сюда Дениса, мужчины ко всему относятся легкомысленно. Может быть, анализы уже пришли на его почту, а он не видел. Забегался, замотался... Заболтался с молодыми медсестрами.

Вика покачала головой:

— Этого не может быть. Он знает, как я волнуюсь. Да, я попросила прислать результаты на его имейл, потому что ужасная трусиха. По мне, лучше оттянуть неприятный момент, чем сразу кинуться в прорубь с головой. Это особенность моего характера, понимаешь? Муж всегда смеялся: мол, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

— Ты всегда была странная, — хихикнула подруга и придвинула к ней круассан, — а теперь послушай моего совета: выпей сок, съешь пирожное, и сразу станет легче. Ты всегда любила круассаны с молочным кремом.

— Не могу. — Женщина в который раз оттолкнула от себя тарелку, и увидев расстроенное лицо Лили, смягчилась. — Ладно, сок выпью. А круас-

сан ешь сама, если хочешь. Мне кусок в горло не лезет.

— Вот и молодец. — Лиля посмотрела на подружку, люблюсь ею.

Густые смоляные волосы Вики были подстрижены под каре, и эта прическа делала ее похожей на Мирей Матье. Умное тонкое лицо, строгий взгляд — все выдавало в ней женщину из хорошей интеллигентной семьи. Про таких еще говорят: «В них чувствуется порода». Правда, про родословную Вика никогда не распространялась, бог весть, каких она была кровей, подруга не удивилась бы, если бы и дворянских. А насчет образованности и интеллигентности — в самую точку: папа — офицер, мама — учительница. Отец Вики, полковник запаса, помог дочери с зятем Денисом приобрести клинику, видать, когда-то хорошо зарабатывал.

Лиля немного завидовала подружке, у которой все получалось в жизни: и поступление в медицинститут, и создание семьи с самым красивым, умным и перспективным студентом. Ходили слухи, что ее папа-полковник за клинику выложил не последние деньги, остались у него финансы — и немалые, что у Вики огромное наследство, добытое всякими дедушками-бабушками не совсем честным путем, и Лиля этим слухам верила. Слухи никогда не рождались на пустом месте. Кроме того, она не раз бывала в родительской квартире подружки и поражалась и диковинным вещам, скромно стоявшим в шкафу за стеклом, и люстрам, способным украсить даже Большой театр, и картинам на стенах — наверняка подлинникам.

Злые языки болтали, что многое, не предназначенное для чужих глаз, хранилось на антресолях. Длинные пальцы Виктории украшали бриллиантовые кольца, менявшиеся с поразительной частотой, и Лиля чувствовала, что бывшая одноклассница живет не только на доходы от клиники.

Везет же некоторым! И зря она так кипишует по поводу своего диагноза. Если что — папочка выложит денежки, и все будет тип-топ. Не нужно верить поговорке, что здоровье не купишь. Купить можно что угодно, дело лишь в цене.

Вика наконец допила сок и отставила стакан.

Лиля опустила глаза, будто боясь, что подруга проникнет в ее мысли.

— Вот и молодец, возьми круассан с собой. Детей угостишь.

— Одним на двоих? — усмехнулась Виктория, но круассан взяла. — Знаешь, я, пожалуй, потороплюсь. Денис может не позвонить, а сразу приехать домой. Если у меня что-то серьезное, он захочет быть со мной в такой момент...

— Конечно, хотя насчет серьезного я сомневаюсь. — Лиля тоже поднялась и сжала локоть Виктории. — Только сразу сообщи результат, договорились? Женщина кивнула.

ГЛАВА 3

Приморск, наши дни

Денис сидел у компьютера и пил чай со сладким пирожком. Его коллега Тамара, врач-эндокринолог, высокая миловидная блондинка с таки-

ми длинными наклеенными ресницами, что они касались высоких бровей, примостилась напротив и не отрывала глаз от своего шефа.

Под ее пристальным взглядом мужчина почувствовал неловкость, покраснел и, улыбнувшись, выдавил:

— Ты во мне дырку просверлишь.

Нисколько не смутившись, Тамара достала из сумочки пачку сигарет и выудила одну:

— Что делать, если ты мне нравишься? Тебе говорят, что ты потрясающе красивый мужчина? На такого и посмотреть приятно.

Денис смутился:

— Я не женщина, чтобы млеть от таких слов.

Женщина тряхнула головой и прикурила от серебряной зажигалки:

— Это приятно каждому человеку. Интересно, твоя Вика напоминает тебе об этом?

Он скривился и недовольно дернул плечом — ее фамильярность порой раздражала до чертиков:

— Допустим. Какое тебе дело? Кроме того, ей сейчас не до моей красоты.

Женщина глубоко затянулась и выпустила дым красивым белым колечком:

— Знаю. Ты уже получил ее анализы?

Денис покачал головой:

— Еще не смотрел. Знаешь, ее страх передался и мне. И, прошу тебя, если так необходимо покурить, выйди на улицу или как следует открой окно. Меня тошнит от дыма.

Тамара поднялась и затушила в пепельнице едва начатую сигарету.

— Ладно, не дергайся. Если у тебя не хватает духа, давай я посмотрю результат.

— Спасибо, лучше не мешай. — Она хотела обнять его за плечи, но Денис оттолкнул ее руки и открыл электронную почту. — Ответ пришел.

Почувствовав дрожь в пальцах, мужчина открыл файл и пробежал глазами по строкам.

Черт возьми, этого он не ожидал. Предчувствия Вики оправдались. Господи, как ей сообщить? Как? Она сойдет с ума. Последние три ночи она не смыкает глаз и почти ничего не ест. И это при том, что оставалась маленькая надежда на лучшее. А теперь...

Тамара, внимательно следившая за выражением его лица, сразу все поняла:

— Твоя жена не ошиблась?

Он резко побледнел:

— Не знаю, не представляю, как ей сказать.

Коллега снова обняла его, и теперь он ее не оттолкнул.

— Дай поглядеть. — Женщина прищурилась. — Ты внимательно прочитал или от испуга разучился думать? Не все так плохо, Денис. Ну, посмотри сюда. Конечно, далеко не все хорошо, но, если не станете медлить с операцией, ее можно спасти. — Она растянула губы в улыбке: вишневая помада делала их непомерно большими. — Да ты и сам все видишь.

— Вижу, не слепой, — глухо отозвался он. — Вике придется удалить все детородные органы. Не знаю, как она это переживет.

Тамара хмыкнула:

— Она переживет, уверяю тебя, — не первая и не последняя. А вот насчет вас, товарищ супруг, прогнозы давать не стану.

— А при чем тут я? — удивился мужчина, и коллега состроила сочувственную мину:

— Я слышала, мужья часто разводятся с такими женщинами, потому что начинают ими брезговать.

— С чего это я должен ею брезговать? — Денис в изумлении приподнял светлые брови. — Она моя жена. В жизни случается, что люди заболевают, и серьезно. И только сволочи оставляют их наедине с бедой.

Тамара опустила глаза и проговорила:

— Не злись. Мне известно: многие после этого начинают считать своих жен неполноценными, что ли. Но бывают исключения, и, может быть, ты из их числа.

— Я из их числа, — подтвердил Денис и взял мобильный. Он понимал, что неприятного момента не избежать. — А теперь пожелай мне удачи. Пришло время позвонить Вике.

Тамара махнула рукой:

— Удачи.

Денис подождал, пока она вышла из кабинета, но жену не набрал, так и не решился.

Он искал нужные слова, но они, как назло, не находились или звучали слишком банально, в конце концов, промучившись минут пять, отчаявшийся супруг решился позвонить и сообщить неприятную новость, приправив горечь тем, что не пожалеет денег на лучшую клинику в стране или за рубежом.

В тот момент мужчина понимал, что это мало ее утешит.

ГЛАВА 4

Русское царство, 1524 г.

Соломония Сабурова сидела в душевной опочивальне и грустно смотрела вдаль. Слюдяное окошко было распахнуто, но с улицы шел горячий летний воздух, насыщенный пылью и прелыми листьями.

Женщина вспоминала день, когда впервые увидела своего мужа, Василия III. Однажды они с великим князем, его отцом, подъехали ко двору ее отца, боярина Юрия Сабурова, и Иван Васильевич о чем-то долго говорил с ее батюшкой.

Молодой князь сидел в седле как влитой, и Соломония, выглядывавшая из горницы, поразилась его горделивой осанкой. Худое вытянутое лицо Василия не было красивым, крючковатый нос, как у матери Софьи Палеолог, придавал ему хищное выражение, тонкие губы кривились в улыбке, и девушка вдруг отогнала от себя мысль, так неожиданно пришедшую в голову: «Однажды он на мне женится».

Когда отец, проводивший князей до околицы, вернулся в дом, Соломония бросилась к нему:

— О чем вы говорили, батюшка?

Боярин усмехнулся в рыжеватую бороду:

— Великий князь по монастырям путешествует, после болезни захотелось ему с монахами пообщаться, к святым мощам прикоснуться. После смерти жены удар его хватил, ослеп он на один глаз. Кроме всего прочего, Иван Васильевич ищет своему сыну Василию невесту. Нас тоже в Москву

зовет. Сказывает, видел тебя однажды княжич на ярмарке, приглянулась ты ему.

Девушка покраснела. Неужели шальная мысль не была случайной, а желание — не несбыточным?

— Батюшка, на Руси много знатных невест краше меня, — скромно ответила Соломония.

Отец смерил ее недовольным взглядом:

— Да не все достойны великого князя. Готовься, дочка. Как только гонец от Ивана Васильевича прискачет, сразу в Москву поедем.

Соломония кивнула, кинулась в опочивальню и припала к зеркалу. Оно отразило красивую девушку с белоснежной кожей, черными соболиными бровями и красными пухлыми губами.

«Хороша», — улыбнулось ей отражение, и девушка зарделась.

— Нет, не хороша. Есть лучше меня.

Послышался звук шагов, в комнату вбежали тетушки, заменившие ей мать, и наперебой затараторили. Известие о том, что Соломония может стать женой великого князя, их поразило и обрадовало.

— Красавица ты наша, лебедушка, — кудахтала тетка Евдокия. — Верю, что Василий тебя выберет. Нет никого лучше нашей ладушки.

Вторая тетка вторила ей:

— Красавица, лебедушка.

Соломония закрылась платком и бросилась в сад.

С этого дня она выходила на дорогу и смотрела, не покажется ли в облаке пыли княжеский гонец. Он все не ехал, и девушка стала думать, что Ва-

силию уже нашли невесту, более знатную и красивую. Род у нее, у Соломонии, хоть и боярский, древний, но бедный, захудалый.

Но однажды отец уведомил ее, что великий князь прислал весточку и нужно собираться в Москву. По дому забегали няньки и тетки, складывая одежду в сундуки, и девушке стало страшно. Из рассказов она знала: вместе с ней на смотрины приедут полторы тысячи красавиц со всех концов Руси.

Тетки и няньки забегали еще быстрее, боясь, что какую-нибудь нужную вещь не положили в сундуки, и вскоре Соломония с Евдокией и отцом, Юрием Сабуровым, отправились в столицу. Там они поселились у дальней родственницы, худой юркой вдовы, и вскоре последовало приглашение посетить смотрины, которые проходили в Грановитой палате.

Боярин и Евдокия радовались как дети, и лишь Соломония страшно боялась: она не верила, что княжич выберет ее.

Когда воронье кони понесли их во дворец, девушка съежилась в кибитке и заплакала. Тетка Евдокия вторила, будто под тяжестью мыслей о предстоящей церемонии, и Юрий недовольно взглянул на дочь:

— Ишь бледная какая! Гони свои страхи, не то действительно Василию не глянешься. И реветь прекрати.

Тетка Евдокия как-то сразу угомонилась:

— Верно говорит батюшка.

Наконец езда немного успокоила Соломонию, и она с интересом посмотрела в маленькое окно

кибитки. Девушка никогда не видела столько церквей, и не маленьких, а больших и величественных. Кибитка неслась по улице между деревянными домами московских бояр, которые устремились вверх, как столбы, и своими очертаниями напоминали шатры.

Наконец кони поднесли их к Московскому Кремлю, и Сабуров помог дочери выйти. Их провели в Грановитую палату, и Соломония снова поразилась княжеской роскошью.

Грановитая палата оказалась огромным залом, крестовые своды которого опирались на центральный столб, украшенный золотыми и серебряными сосудами. Зал ничем не освещался: света, лившегося из восемнадцати окон, было вполне достаточно. Пахло какими-то благовониями, и у девушки слегка закружилась голова. В ушах звенело от разноголосицы претенденток, одетых в богатые платья, расшитые золотыми нитями.

Соломония не видела их лиц, но все они казались ей очень красивыми, гораздо красивее ее и, наверное, знатнее. А вскоре появились Иван Васильевич, волочивший за собой парализованную ногу, и Василий, выглядевший грустным и усталым.

Отец и сын сели на возвышении, и Иван Васильевич что-то сказал дьяку. Тот развернул длинный список невест и принялся выкрикивать имена. Девушки по очереди делали круг по залу, кланялись великим князьям и возвращались к родственникам, придирчиво осматривавшим конкуренток.

Наконец выкрикнули ее имя, и отец подтолкнул красавицу:

— Иди!

«Будь что будет», — решила Соломония и вдруг успокоилась.

Кто-то невидимый будто перенес ее из дворца в какое-то другое место, где не было ни князей, ни бояр, ни разнаряженных девиц.

Девушка подбоченилась и поплыла по залу, сознавая, что она красива, грациозна и, как никто, достойна стать женой княжича. Она не видела, как смотрел на нее Василий, как что-то сказал Ивану Васильевичу, и, когда вернулась на место, Сабуров приобнял ее:

— Молодец! Плыла как лебедушка!

— Батюшка, давай уедем отсюда! — взмолилась девушка. — Грудь теснит, дышать нечем. Прошу тебя, давай уедем.

Отец неожиданно согласился:

— Что ж, давай. Думаю, сегодня наш князюшка ничего не решит. Завтра все узнаем.

Стоит ли говорить, что ночь выдалась для девушки бессонной? Да и с рассветом она не увидела покоя, целый день не ела и не пила. А к вечеру стало известно, что из всех невест Василий выбрал ее, Соломонию Сабурову.

А потом — свадьба и скучные будни жены великого князя, ненависть приближенных, не желавших принимать безродную, как они считали, за царицу.

Хорошо, что Василий любил ее, называл «лебедушкой» и другими ласковыми словами.

Жили они первое время в любви и согласии, и только на третьем году совместной жизни муж стал хмуриться.

Соломония понимала причину его недовольства: Бог не давал им детей. А ее повелителю ребенок, наследник, был очень нужен, не желал он ни с кем делиться властью. Надо было срочно что-то предпринимать, иначе муж станет считать ее бесплодным деревом, которое лучше срубить, чем за ним ухаживать.

ГЛАВА 5

Приморск, наши дни

Новость, сообщенная Денисом, раздавила, подмяла Вику под себя, как неуправляемый автомобиль, и она без сил опустилась на кровать, внезапно почувствовав себя одинокой.

Да, муж обещал поддержать ее, заверил, что далеко не все потеряно, но его слова не улучшили настроения. Тем не менее Вика мужественно выслушала свой приговор и только потом дала волю слезам.

Первым ее побуждением было позвонить родителям, но, поразмыслив, она решила не расстраивать мать и отца. Господи, за что ей это? Еще недавно в ее жизни все было так хорошо: прекрасная работа, любящий муж, двое прекрасных деток...

Женщина в отчаянии приподняла черные волосы, и в памяти внезапно всплыл один случай пятилетней давности. Они с Денисом только отпраздновали в ресторане годовщину свадьбы и вышли

на улицу. Муж побежал искать такси, а она присела на пустой скамейке возле ресторана, под старым каштаном. Откуда появилась та цыганка — средних лет, чернявая, как грач, с растрепанными вьющимися волосами, в пестрой одежде, Вика так и не поняла. Женщина тряхнула цветастой юбкой, поправила косынку, наклонилась к ней и отчетливо произнесла:

— Беды тебя ждут. Если ручку позолотишь, все расскажу подробнее.

Вика замотала головой:

— Нет у меня денег. Кошелек у мужа остался. Хочешь — подожди его, он скоро придет. — Она удивлялась сама себе: всегда смеялась над теми, кто слушал подобные предсказания, а тут — на тебе...

Женщина подумала, что ей до смерти хочется услышать это предсказание и она не пожалела бы денег. И алкоголь тут ни при чем, в тот вечер она выпила всего один бокал шампанского.

— Правильно делаешь, что не прогоняешь меня. — Цыганка уселась рядом, обдав Вику каким-то терпким запахом. — А деньги у тебя есть. Погляди в правом кармане брюк.

Вика сунула руку в маленький кармашек и достала сто рублей. Странно, когда она успела их туда сунуть?

Цыганка аккуратно взяла у нее бумажку и подмигнула:

— Видишь, как получается. Порой мы многого о себе не знаем. Вещи у тебя в доме есть, не твои они. Кровь на многих, а такие не приносят сча-

стья, лишь беды за собой тянут. Если в ближайшее время от них не избавишься, тяжело заболеешь и мужа потеряешь.

— Я никогда не брала чужих вещей, — парировала Вика. — Ты меня с кем-то путаешь.

Цыганка положила ей на колено свою горячую руку:

— Ничего я не путаю. Не поверишь мне — много горя хлебнешь.

К ресторану подкатил серебристый «Мерседес» с шашечками на крыше, и радостный Денис помаhal жене из салона:

— Садись.

Вика оглянулась на цыганку, чтобы еще раз сказать ей об ошибке, но той уже простыл и след.

Женщина забралась на заднее сиденье и прижалась к супругу:

— Я сейчас разговаривала с одной гадалкой. Она такое мне наговорила.

— Слушай их больше, — отмахнулся Денис. — А если что ужасное сказала, плюнь и забудь. У них одно на уме — денег побольше срубить.

Вика действительно забыла о предсказании до сегодняшнего дня. А сегодня... Означало ли это, что цыганка предсказала ей будущее? Наверное, надо было дослушать ее до конца.

Дрожащими руками она налила воду в стакан и залпом выпила. Цыганка говорила о каких-то вещах, обогранных кровью. Господи, какую же вещь она имела в виду?

Когда раздался звонок в дверь, женщина побледнела. Если это родители, удастся ли ей сохра-

нить самообладание? В конце концов, не все так безнадежно. Денис и его коллега Тамара сказали, что операция ей поможет. Значит, надо бороться и побеждать.

Она открыла дверь, и подруга Лиля, покрасневшая от быстрой ходьбы, в очках, сбившихся набок, бросилась ей на шею.

— Я все знаю, дорогая. Извини, но я не выдержала, позвонила Денису, он мне все и сообщил.

— Наоборот, это хорошо. — Вика еле выдавила улыбку. — В противном случае мне пришлось бы все тебе рассказать и заново пережить этот ужас.

Лиля скинула босоножки, прошла в комнату и села на диван.

— Денис убеждал меня, что операция тебе поможет. — Она дотронулась до вазы с белыми розами. — Я бы на твоём месте так не паниковала. Сделаешь операцию и обо всем забудешь.

Вика присела рядом:

— Может быть, но я подумала о другом. Помнишь, я говорила тебе о цыганке, которая предсказала мне печальное будущее? Это было лет пять назад.

Подруга наморщила лоб:

— Что-то такое припоминаю. Вроде бы она плела о какой-то вещи, которую ты украла. Но это же смешно, Вика. Ты же грамотный человек.

— Сначала и я так думала, а теперь не знаю. — Женщина покачала головой. — Тяжелая болезнь у меня уже есть, осталось дожидаться ухода мужа.

Лиля замахала руками:

— Прекрати сейчас же! Разве тебе неизвестно, что к гадалкам не ходят потому, что они могут нагадать несчастье.

— Нагадать? — удивилась Вика. — Как это — нагадать?

— Да очень просто, — продолжила подруга. — Представь: тебе сказали, что в будущем тебя станут преследовать несчастья. Ты усиленно начинаешь об этом думать. Ну а мысли, как известно, материализуются.

— Но я не думала о ее предсказании до сегодняшнего дня, мало того, забыла начисто. — Вика сплела пальцы. — Так что твое объяснение не подходит.

— Хорошо, — не сдавалась Лиля. — Пойдем другим путем. Цыганки предсказывают болезнь почти всем. А людям свойственно болеть. Тяжелая болезнь — это необязательно онкология. Можно заболеть и без всякого предсказания. Вика. — Она положила руку на запястье подруги. — Если ты станешь думать о том, что Денис с тобой разведется, я перестану тебя уважать.

Вика вздохнула:

— Твои мысли созвучны моим. Во всяком случае, мне хотелось бы думать, что болезнь просто совпадение.

— Вот и думай, — приказала Лиля. — А остальное гони от себя. Все будет хорошо, вот увидишь. Впрочем, что я тебя убеждаю? Я всего лишь скромный программист, ни черта не соображающий в медицине, а ты дипломированный врач.

— Надеюсь, что мы с Денисом и Тamarой не ошибаемся. — Слова подруги немного приобод-

рили женщину. — Ладно, пойдем на кухню. Подзреваю, что ты пришла не с пустыми руками. Из твоего пакета за версту несет круассанами.

— Я знаю, что для снятия стресса ты ешь сладкое. — Лиля хихикнула и заговорщицки подмигнула. — И в пакете у меня действительно круассаны. Пойдем, заварю тебе мой любимый, с бергамотом. И не тяни с операцией. Чем скорее отделаешься от этого, тем раньше вернешься к нормальной жизни...

ГЛАВА 6

Русское царство, 1524 г.

Соломония последнее время не находила себе места. Волнения сказывались на ее внешности: румяные щеки побледнели и впали, в волосах появилась седина, лучиками разбежались возле глаз «гусиные лапки».

Евдокия Ивановна с болью смотрела на племянницу:

— Чахнешь ты, Соломонюшка, доходишь. Так и до смерти недалеко.

Молодая княгиня кивала и роняла слезы:

— Бросит он меня, тетушка. Не имею я права быть бесплодной. Тут дело уже не личное, а государственное. Василий считает, что один хозяин должен быть у земли Русской.

Тетушка вздохнула:

— Слезами горю не поможешь. Знаешь, Соломонюшка, слышала я об одной колдунье, говорят, от бесплодия лечит. Что, если нам к ней обратиться?

Княгиня еще больше побледнела:

— С ума ты сошла, тетушка. Знаешь, что Василий сделает, когда узнает? Казнят меня за колдовство.

Евдокия Ивановна взмахнула длинными рукавами нарядного опашня, расшитого золотыми и серебряными нитями:

— А как он узнает, милая? Я сама к этой Стефаниде — так ее кличут — сбегая, предупрежу, что не простые люди к ней обращаются, ежели кому расскажет, может жизни лишиться. Думаю, ей не будет трудно язык за зубами держать.

Соломония задумалась, заиграли ямочки на щеках.

— Ну, не знаю, тетушка, не по-человечески как-то.

Тетка стукнула клюкой:

— А по-человечески, если он тебя со двора погонит? Власть у него большая, неизвестно, что с тобой сделают. Подумай, лебедушка моя.

Молодая женщина сжала кулачки:

— Согласна я, тетушка. Веди свою Стефаниду.

Евдокия Ивановна перекрестилась:

— Сама я тоже молчок. Гляди, ты не проговоришь. Знаю, как ты своего Василия любишь. Не стоит он такой любви.

Соломония ничего не ответила.

Тетка оперлась на клюку.

— Ивану разве что сказать? — проговорила она. — Иван тебя любит, он ни за что не проговорится.

Молодая девушка размышляла над ее словами. Брат Иван действительно очень любил ее. Но

одобрит ли он обращение к колдунье? Как-никак верой и правдой служил ее мужу, был кравчим, следил за тем, чтобы за царским столом ни еда, ни питье не были отравлены. Захочет ли он обманывать своего повелителя? Допустим, не захочет. Но будет ли доволен, если повелитель расправится с его сестрой? Удастся ли тогда Ивану удержаться при дворе?

Соломония решительно смахнула слезы:

— Посвяти Ивана в нашу тайну, тетушка. Так для всех будет лучше.

— Верно, верно говоришь, голубушка, — засуетилась Евдокия Ивановна. — Все хорошо будет, ты не печалься.

ГЛАВА 7

Приморск, наши дни

Денис тупо смотрел на экран монитора, не пытаясь открыть новости в «Яндексе», что он делал каждый раз, когда садился за компьютер.

Тамара, сделав глубокую затяжку и выпустив из ноздрей сигаретный дым (до лампочки ей просьбы не курить в кабинете), дотронулась до его плеча:

— Почему грустим, начальник? Насколько мне известно, операция прошла отлично и твоя жена почти здорова. Разве это не так?

Денис скривился:

— Это все так.

— Тогда почему у тебя такое кислое лицо?

Он с неприязнью взглянул на коллегу:

— Разве я на исповеди?

Женщина пожала плечами:

— Не хочешь — не говори. За язык тебя никто не тянет.

Доктор вздохнул:

— Ладно, твоя взяла. Мне нужно выговориться. Помнишь, ты сказала, что мужчины после таких операций часто начинают испытывать брезгливость к жене и не могут жить с ней как с женщиной?

Она кивнула:

— Допустим.

— Ты оказалась права. — Денис дернул себя за мочку уха, что делал в минуту крайнего волнения. — Мы не спим уже два месяца. И я умалчиваю о причине.

Тамара подняла нарисованные брови:

— И как ты объясняешь свою холодность? Вика наверняка интересуется, что мешает вашим прежним отношениям.

Он махнул рукой:

— Придумываю разные глупости: дескать, после операции прошло мало времени, швы могут разойтись. Понимаю, что это чушь, но не могу придумать ничего лучшего. Мне кажется, она все понимает, только боится узнать правду.

— Может быть, нужно время? — деликатно предположила Тамара.

Он покачал головой:

— Мне так не кажется.

— Сходи к психиатру, — посоветовала женщина.

— Сдурела, что ли? — огрызнулся врач. — По-твоему, я ненормальный?

— Ну что ты. — Тамара встала, подошла к Денису, обняла за плечи и потерлась о его спину бюстом Памелы Андерсон. — Есть еще один вариант. Заведи любовницу. Тебе, в отличие от Вики, нужен секс.

Мужчина оттолкнул ее руки:

— Я никогда ей не изменял.

Тамара призывно улыбнулась полными губами, накрашенными ярко-красной помадой:

— Так измени. Мы все когда-то делали в первый раз.

— Для меня такое предложение неприемлемо и противно, — буркнул он, но женщина не отставала.

— Не торопись. Вдруг тебе понравится? Попробуй. Тем более и любовницу искать не нужно. Тебе прекрасно известно, — она сделала паузу и выпалила: — что я давно в тебя влюблена. Только ты никогда этого не замечал.

Денис поморщился:

— Это тебе нужно сходить к психиатру.

— Я-то как раз здорова, — она коснулась губами его уха, — а вот ты...

Он резко встал, чуть не опрокинув стул:

— Отвали, Тамара.

Женщина обиженно надула губы. Как всегда, красная кайма помады делала их кровавыми, вызвала ассоциации с вампирами, напившимися человеческой крови.

— Ну, и возись со своей женушкой. Я всегда считала тебя слабаком и подкаблучником. Ты, наверное, думаешь: раз ее папаша дал деньги на клинику, ты обязан им по гроб жизни.

— Уйди, — снова отмахнулся от нее Денис и, нервно закулив сигарету, распахнул окно.

Тамара презрительно дернула ногой и вышла из кабинета. Она нисколько не обиделась на своего начальника. Нужно немного подождать, нужно каждую минуту напоминать ему, что он может получить столько секса, сколько захочет. А потом он сдастся. Мужики не могут без секса. Тамара была в этом уверена.

ГЛАВА 8

Русское царство, 1524 г.

Колдунья Стефанида оказалась дородной высокой женщиной с черными с проседью волосами. Она неожиданно ласково улыбнулась Соломонии, которую привела к ней Евдокия Ивановна.

— Вижу, мужу своему государю сказала, что в церковь едешь. — Ее голос оказался на удивление приятным, грудным. — Вообще, мужа не обманывай. Тем, кто живет в обмане, счастья не видать.

— Ты только помоги мне, тетушка, — жалобно проговорила молодая женщина. — Мочи нет так жить, все жду, когда муж бросит.

Колдунья пригласила ее в избушку. Соломония подумала, что именно так и представляла жилище сказочной Бабы-яги: черный кот на лежанке, по стенам развешаны пучки пахучих трав. Только хозяйка ничем не напоминала старушку с всклокоченными седыми волосами и крючковатым носом. Лицо у нее было молодое, чуть-чуть тронутое

морщинами, взгляд болотных глаз поражал умом и ясностью.

Она усадила княгиню за стол и подала ей пшено:

— Зачерпни гость зерна и обратно в миску кинь.

Молодая женщина набрала в ладонь пшена и, сжав кулак и оставив тонкую щелку, наблюдала, как пшено сыплется едва заметной струйкой.

— Хватит. — Стефанида придвинула к себе миску и опустила туда руку. — Верно князь говорит, бесплодная ты. Не будет у тебя ребенка, во всяком случае от Василия.

Княгиня похолодела:

— А что дальше, тетушка? К чему мне готовиться?

Колдунья снова зачерпнула пшено:

— Выгонит он тебя, любезная, но жизни не лишит.

Соломония всплеснула руками:

— Люблю я его, горемычная. Помоги мне мужа возле себя удержать. Я никаких денег не пожалею.

— Да вижу я, — усмехнулась Стефанида. — Ежели ко мне пришла, значит, на все готова. Думаешь, мне неведомо, что за колдовство бывает?

Княгиня молитвенно сложила руки:

— Помоги!

— Попробую. — Колдунья взяла кувшин с верхней полки. — Вода здесь заговоренная. Пей ее каждый день по полкружки и живот голый смачивай. Ежели не поможет, тогда уж ничего не сделаешь.

Молодая женщина растерянно заморгала:

— Совсем ничего? Не пугайте меня, тетушка. Мне сказывали, вы многое можете.

Колдунья пожала плечами:

— Скажи, по церквям с мужем ездила? Святым молилась?

Соломония с готовностью кивнула:

— Конечно, тетушка. Ездили мы с великим князем по монастырям Переславля-Залесского. Сколько я поклонов была перед иконами, и не сосчитать. А совсем недавно в Троицыну обитель мы с Василием подарили покров с изображением основателя монастыря Сергия Радонежского да икону с молением о чадородии. На ней так и было написано: «Поддай же им, Господи, плод чрева». Да и в Москве мы постоянно об этом молились, ни один храм вниманием не обошли. Только не помогло ничего.

Колдунья опустила голову:

— И я об этом. Учти, я такой властью, как Бог, не располагаю. Ежели он детей не дал, вряд ли у меня получится.

Соломония прижала к себе кувшин, будто Стефанида собиралась его отнять.

— Тетушка, не лишай меня последней надежды, — жалобно проговорила она, вытирая слезы. — С мужем быть хочу. Люблю я его, и никто другой мне не нужен.

Женщина нахмурилась:

— Что ж, милая, я тебе все сказала. Ступай во дворец, да не протаривай сюда дорогу. Не ровен час, кто-нибудь узнает.